

Он жить хотел, как ветер

ЧЕЛОВЕК С ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЫ

Идея новой рубрики возникла не на пустом месте. Подсказали её публикации о встречах «по старым адресам», с людьми, чьи личности, судьбы, мысли о жизни, о проблемах «новой России» не оставили в своё время наших читателей равнодушными, представляют интерес и в наступившем столетии.

Знакомство читателей с автором «Северного края» 90-х годов из Семibrатова, героем корреспонденции «Он спас домик Лермонтова и получил за это двадцать лет каторги» (сентябрь 1998 года) Олегом Пантелеймоновичем Поповым, филологом-исследователем, поэтом, несломленным узником «Воркуталага», можно сказать, оборвалось тогда на полуслове.

Мы дружили, он успел передать в библиотеку редакции часть книг со своего «безразмерного» домашнего стеллажа. Последнее его письмо в газету начиналось словами: «Всё чаще думаю о хороших людях, об одном таком коротенько написал». Статья о коллеге-лермонтовце, уроженце Ростова Великого С. Недумове появилась в газете (февраль 2000 года) с подписью автора в траурной рамке.

Сам отправить не успел, получили мы прощальную депешу с припиской той сердобольной санитарки, что ухаживала за 85-летним одиноким стариком: «В конце января Олега Пантелеймоновича разбил паралич, а ещё десять дней спустя его не стало».

Имя Олега Попова после его ухода из жизни со страниц нашей газеты не исчезло. Лет семь назад ярославская центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова на премию, полученную на городском профессиональном конкурсе, выпустила книгу лирики Олега Попова «Я жить хотел, как ветер над волной...». О нём продолжали говорить на научных чтениях и клубных посиделках. Как заботливый хранитель, Лермонтовка продолжает собирать всё, что связано с памятью об этом человеке. Напомнила о том досье её сотрудник Любовь Мельникова: дескать, есть кое-что новенькое, найти бы вам время взглянуть.

ПУД СОЛИ СЪЕЛ С «ОДИНОКИМ ГЕНИЕМ»

Нет, неправда, что газета живёт всего один день. Открываем папку Попова и первое, что видим в ней, — аккуратно заправленную в целлофановый файл вырезку из «Северного» с его эссе «Загадки Лермонтова», апрель девяносто восьмого. Выходит, ровно десять лет назад газета открыла читателям этого уникала, он рассказывал об «одиноком гении» так, будто съел с ним не один пуд соли.

Полистали досье — словно через годы доброго друга повстречали. Вырезки, автографы стихов, документы, фотографии, рисунки и письма, письма, письма — зачитаешься. Собирали и по службе, и по душе, с той профессиональной акку-

ратностью, когда малозначительных мелочей не бывает.

Рубрика к «Загадкам Лермонтова» была у нас такая: «Исследователь из глубинки». Во врезке пришлось объяснить читателям, что и для нас некто «О. Попов» тоже остается «фигурой весьма загадочной». Живёт в тихом Семибратове, вдали от столиц и лермонтовских мест, а на любую подробность из жизни великого поэта имеется у него свой, часто не хрестоматийный взгляд.

Фотомонтаж Вячеслава Юрсова

ник пятигорского музея Лермонтова Попов поставил на кон собственную жизнь и доброе имя. Надел повязку охранника, вёл с оккупантами двойную игру, а когда те решили взорвать домик поэта, чтобы «не достался большевикам», всё сделал, чтобы не допустить беды.

Ту повязку на рукаве Попову, конечно, не простили и простить не могли. Сказал же классик соцреализма: «Кто не с нами, тот против нас», и точка. Через два года после окончания войны компетентные органы нашли его на Ставропольщине в сельской школе, где он учительствовал. Суд шёл восемь месяцев, наказали каторгой за «измену Родине».

В библиотечном досье рядом с материалом нашей газеты под рубрикой «Совершенно секретно» — «Ушёл из жизни с

про тех, «кто не с нами», и не скажешь.

ТАЙНЫ ИЗ РИДИКЮЛЯ БАБЫ КЛАВЫ

Жизнь жестоко испытывала человека на разрыв. Чем душу спасали? Ответ в досье мы тоже нашли, когда наконец-то добрались до того «новенького», что сняли мы с языка у сердечного друга нашей газеты Любови Мельниковой.

Даёт знать о себе из города Варны Елена Петровна Риттер. Волжанка по рождению, мать двоих уже взрослых детей, она недавно вышла замуж за гражданина ФРГ и переехала из Волгограда, но не в Германию, а в Болгарию, где в варненском Свободном университете грызет гранит науки сын Елены Петровны. О Попове, его книж-

Олег Попов и Клавдия Жестовская, конец 30-х годов. Они на фоне домика Лермонтова в Пятигорске.

В общем, поехали знакомиться. После встречи сквозную интригу его судьбы, чуть заострив, вынесли в заголовок следующей публикации. Вот и вышло: «Спас домик Лермонтова и получил за это двадцать лет каторги». В тесной малосемейке, до потолка заставленной книгами, разговаривали мы с ним и его супругой, верным другом, прекрасной дамой из их дерзкого лагерного романа Тамарой Борисовной под перекрестными взглядами рыцарей печального образа — чужного, каслинского, и Дон Кихота Ламанчского, правозащитника академика Андрея Сахарова и великого натуралиста Гржимека — с фотографией за стёклами книжных шкафов.

Историю свою тогда решились они доверить газете впервые. Кое-что, впрочем, рассказывали с оговорками: мол, не настало ещё время. Но о главном читатели наши узнали раньше всех: о том, как, оказавшись в оккупации и став безработным, бывший сотруд-

ником «изменника» (октябрь 2000 года) видим копию рукописной справки Ставропольской прокуратуры о реабилитации О. П. Попова. Самое интересное здесь — даты. Обвинение было снято осенью 1991 года. А в Семибратове пришла справка, выписанная зампрокурора С. Д. Беловым, почти десятилетие спустя и — через два месяца после того, как Господь взял на небо раба божьего Олега.

В одном из писем Олега Пантелеймоновича мы про его «вольную» вот что прочли: «Освобождён я был в 1956 году со снятием судимости. Мне тогда объяснили, что я полностью восстановлен в правах и могу нигде не рассказывать, что был в заключении. Поэтому я и не заботился о реабилитации». И — важное пояснение: «...Тем более, что не считал себя — по тогдашним законам — совсем невиновным».

Допустил нас до самого тайного. Стало быть, винил себя. А про «тогдашние законы» лучше классика соцреализма

ке стихов, о ярославской Лермонтовской библиотеке узнала по Интернету. И дрогнуло сердце: имя — до слёз знакомое из старых писем, которые бабушка Клава со времен молодости всю жизнь хранила в заветной кожаной сумочке.

Однажды решила отдать сумочку любимой внучке Лене — с условием: прочтешь, сожги или порви. 58 писем, 1939 — 1942 годов, в стихах и прозе, из Пятигорска, от сотрудника музея Лермонтова Олега Попова. Все они посланы в Грозный на имя однокашницы по пединституту, молодой учительницы русского языка и литературы Клавдии Жестовской.

Внучка их прочла, одна, а потом вместе с дочерью. Разложила письма по хронологии. И не поднялась рука их уничтожить. Так была потрясена прочитанным. В свой час поделилась радостью с ярославскими библиотекарями: «Открылся мир необыкновенно богатой человеческой души, история красивых отношений мужчины и женщины».

Хотел, как ветер над волной

ПОЛОСЫ

а пустом месте. Подсказали её адресам», с людьми, чьи личности, как «новой России» не оставили в душными, представляют интерес и

ратностью, когда малозначительных мелочей не бывает.

Рубрика к «Загадкам Лермонтова» была у нас такая: «Исследователь из глубинки». Во врезке пришлось объяснить читателям, что и для нас некто «О. Попов» тоже остается «фигурой весьма загадочной». Живёт в тихом Семibrатове, вдали от столиц и лермонтовских мест, а на любую подробность из жизни великого поэта имеется у него свой, часто не хрестоматийный взгляд.

ник пятигорского музея Лермонтова Попов поставил на кон собственную жизнь и доброе имя. Надел повязку охранника, вёл с оккупантами двойную игру, а когда те решили взорвать домик поэта, чтобы «не достался большевикам», всё сделал, чтобы не допустить беды.

Ту повязку на руке Попову, конечно, не простили и простить не могли. Сказал же классик соцреализма: «Кто не с нами, тот против нас», и точка. Через два года после окончания войны компетентные органы нашли его на Ставропольщине в сельской школе, где он учительствовал. Суд шёл восемь месяцев, наказали каторгой за «измену Родине».

В библиотечном досье рядом с материалом нашей газеты под рубрикой «Совершенно секретно» — «Ушёл из жизни с

про тех, «кто не с нами», и не скажешь.

ТАЙНЫ ИЗ РИДИКУЛЯ БАБЫ КЛАВЫ

Жизнь жестоко испытывала человека на разрыв. Чем душу спасали? Ответ в досье мы тоже нашли, когда наконец добрались до того «новенького», что сняли мы с языка у сердечного друга нашей газеты Любови Мельниковой.

Даёт знать о себе из города Варны Елена Петровна Риттер. Волжанка по рождению, мать двоих уже взрослых детей, она недавно вышла замуж за гражданина ФРГ и переехала из Волгограда, но не в Германию, а в Болгарию, где в варненском Свободном университете грызет гранит науки сын Елены Петровны. О Попове, его книж-

Вскоре получила из Ярославля от Мельниковой бандероль с подборкой газетных вырезок, автографами стихов Олега, и в ответ на свою деликатную просьбу — целых три экземпляра сборника «Я жить хотел, как ветер над волной...».

Мельникова пишет в Варну: «как здорово, что все мы, даже и не подозревая о том, связаны невидимыми нитями времён, событий и дел». Елена Петровна высылает подборку стихотворных посланий из той сумочки. Одно из них, зимнее, сорокового года, сразу и музейное, и лермонтовское: «Мы в гости к поэту зашли, // Ведь все так давно его знали! // Мы в гости к поэту зашли, // Но дома его не застали...».

Решилась Елена Петровна одно из писем рассекретить, «частичку того, что мне бесконечно дорого. И что стало за эти годы чем-то вроде семейной Библии, передающейся из поколения в поколение». Письмецо — на бланке музея, с адресом и телефоном, точной датой отправления — 5 ноября 1940 года. С обращением: «милая», а оно ведь всегда само говорит за себя. Письмо на четырёх страницах, будто не написанное, а выдохнутое — мы в эпоху эсэмэсок так не умеем.

Струна их отношений была натянута до звона. Клава была замужем, воспитывала десятилетнюю дочку Милочку. Мы теперь знаем, что, видимо, «к венцу» близился и пятигорский роман Олега и художницы Ирины Шаховской. Тут другой сюжет, о нем в своё время и уже после «Северного края» рассказали «Известия» в очерке «Дело для Божьего суда», и возвращаться к нему вряд ли стоит.

Так мы о письме Олега Клаве, отправленном последней мирной осенью. Трёхлетняя переписка была их тайной. «Пейзажное» письмецо полно белых болей и новых тревог. В один из выходных Олег взял да и уехал (или пешком ушёл) за город. Тишину послушать, к ясному небу, к сияющим ярче облаков горным снегам глаза поднять, поговорить с деревьями и птицами.

И был вечер, когда «потускнела земля, и серебро реки стало жестью». Надежды ещё оставались: «Всё-таки хорошо, из-за одних таких дней жить стоит». Главного не таит: жить, «только бы не одному». Но навязывать любимой ничего не хочет. Заканчивая письмо, то ли совет даёт, то ли просит умоляет: «Прислушайся к внутреннему голосу (ведь есть такая, правда?) и скажи: веришь ли в то, что мы вместе увидим ещё хорошие дни».

У Елены Петровны есть собственная, годами выношенная, версия исхода романа Олега и Клавы. Её-то писем не сохранилось, сама она «живёт лишь отражением его большого чувства». И потому — да, только версия, а не резюме. Не решилась Клавия соединить свою жизнь с возлюбленным: «Их роман, почти закономерно (так я чувствую) состоящий из длинных писем, долгих ожида-

ний и коротких встреч, должен был или вырасти во что-то большое и живое — уж слишком полон жизни был Олег впечатлениями от неё и желанием отдавать, дарить душой накопленное. Или — замереть и погаснуть от невозможности сблизиться до конца».

ЯРОСЛАВЛЬ — ВАРНА: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ?

Елене Риттер по письму известно то, чего не знаем мы. Хелпи-энда не случилось. Последние весточки Олега, как знает она, «были лишь отзвуком былых отношений. Слишком любил и надеялся, чтобы безболезненно расстаться».

Понятно, почему в ответ на просьбу библиотеки рассказать о Клавии Андреевне внучка поступает так дипломатично — приводит выдержки из своей книги «Шаги», написанной для детей и внуков. Цитирует главу «Что во мне есть бабушки Клавы». Перечисляет по порядку, что именно есть «любовь к книгам и чтению и поэзии», «умение довольствоваться в жизни очень немногим», «непрактичность», «негибризм» — подарила любимой бабушке авторское словцо, видимо, в данном случае очень точное по смыслу.

И ещё: «Человеком она была чрезвычайно преданным семье». Единодушно признанный домашними и лиричный дар самой Елены Петровны, в чем она совершенно уверена, — тоже бабушкино наследство. Постный борщ, вареники с творогом, зелёные щи в мае и крикливо-обыкновенная вареная картошечка с укропцем или чесночком — сборник рецептов-воспоминаний «кухне у них всегда под рукой».

На последних страницах досье видели мы несколько фотографий: молодой и красивой Клавы, присланный из Варны рисунок с натуры Олега «Грот Дианы», с места, где задолго до дуэли Лермонтов друзьями устроил весёлый мальчишник. За книжки и всё остальное Елена Риттер отдала Мельниковой царским коплиментом: «Такой праздник мне устроили, Любовь Владимировна».

А вот прислать ксерокопии всех писем пока не смогла. Ожиданный психологический барьер возник на пути. Попробовала объяснить: «Слишком личное это... И слишком много любви и соприкосновения ДВОИХ» — так заглавными буквами и пишет. Добавила постскриптуме: «У меня такое чувство, что как-то не так должно это произойти, в любом случае не по почте, а из рук в руки, глядя глаза в глаза».

Браво, госпожа Риттер! умело смягчили неловкость прямо дая понять, что обидно Варна — Ярославль прерваться в обозримом будущем судьба. Сами же говорили Попове: «Он нам всем очень нужен», а мы с этим полностью согласны.

Юлиан НАДЕЖДИН

Олег Попов и Клавия Жестовская, конец 30-х годов. Они на фоне домика Лермонтова в Пятигорске.

В общем, поехали знакомиться. После встречи сквозную интригу его судьбы, чуть заострив, вынесли в заголовок следующей публикации. Вот и вышло: «Спас домик Лермонтова и получил за это двадцать лет каторги». В тесной малосемейке, до потолка заставленной книгами, разговаривали мы с ним и его супругой, верным другом, прекрасной дамой из их дерзкого лагерного романа Тамарой Борисовной под перекрестными взглядами рыцарей печального образа — чугунного, каслинского литья, Дон Кихота Ламанчского, правозащитника академика Андрея Сахарова и великого натуралиста Гржимека — с фотографиями за стёклами книжных шкафов.

Историю свою тогда решились они доверить газете впервые. Кое-что, впрочем, рассказывали с оговорками: мол, не настало ещё время. Но о главном читатели наши узнали раньше всех: о том, как, оказавшись в оккупации и став безработным, бывший сотруд-

клеймом «изменника» (октябрь 2000 года) видим копию рукописной справки Ставропольской прокуратуры о реабилитации О. П. Попова. Самое интересное здесь — даты. Обвинение было снято осенью 1991 года. А в Семibrатово пришла справка, выписанная зампрокурора С. Д. Беловым, почти десятилетие спустя и — через два месяца после того, как Господь взял на небо раба божье Олега.

В одном из писем Олега Пантелеймоновича мы про его «вольную» вот что прочли: «Свободён я был в 1956 году со снятием судимости. Мне тогда объяснили, что я полностью восстановлен в правах и могу нигде не рассказывать, что был в заключении. Поэтому я и не заболтался о реабилитации». И — важное пояснение: «...Тем более, что не считал себя — по тогдашним законам — совсем невиновным».

Допустил нас до самого тайного. Стало быть, винил себя. А про «тогдашние законы» лучше классика соцреализма

ке стихов, о ярославской Лермонтовской библиотеке узнала по Интернету. И дрогнуло сердце: имя — до слёз знакомое из старых писем, которые бабушка Клава со времен молодости всю жизнь хранила в заветной кожаной сумочке.

Однажды решилась отдать сумочку любимой внучке Лене — с условием: прочтешь, сожги или порви. 58 писем, 1939 — 1942 годов, в стихах и прозе, из Пятигорска, от сотрудника музея Лермонтова Олега Попова. Все они посланы в Грозный на имя однокашницы по пединституту, молодой учительницы русского языка и литературы Клавии Жестовской.

Внучка их прочла, одна, а потом вместе с дочерью. Разложила письма по хронологии. И не поднялась рука их уничтожить. Так была потрясена прочитанным. В свой час поделилась радостью с ярославскими библиотекарями: «Открылся мир необыкновенно богатой человеческой души, история красивых отношений мужчины и женщины».